

*...По воле Бога самого
Самостоянье человека —
Залог величия его.*

Александр Пушкин

Перед встречей с капитаном Яцкевичем я перерыла интернет, пытаюсь найти похожие судьбы. Неужели мой собеседник, которого еще во времена СССР называли морским Маресьевым, — единственный в мире?

— **Александр Николаевич, вы знаете еще таких капитанов? Или штурманов?**

— В Черноморском пароходстве, знаю, был в советское время 1-й помощник капитана, у которого не было ноги...

— **А еще?**

— Больше не слышал... Ну и что? Таких, как я, много, просто на флоте их мало.

О ТОМ, ЧТО НЕВОЗМОЖНО ПОДВЕСТИ ТЕХ, КТО В ТЕБЯ ВЕРИТ

Александр Яцкевич — представитель морской династии, которая насчитывает уже три поколения. Более того: это династия выпускников Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского. Отец Александра с отличием окончил Владивостокское высшее мореходное училище еще в 1952 году. Вслед за ним выпускниками дальневосточного морского вуза стали оба сына и внук. Подрастает правнук...

— **Расскажите о своей семье. Она была дружной?**

— Почему «была»? Папы и мамы уже нет, но семья-то осталась.

— **Хороший ответ. А воспитывали как, в строгости?**

— По-разному воспитывали. В основном личным примером. Папа строгий был, да, и наказывал иногда. А мама — добрая, как положено... Но были вещи, в которых они проявляли одинаковую принципиальность. Например, добивались, чтобы мы с братом держали данное слово, завершали начатое дело, учились на совесть. Папа часто повторял: «Прежде чем что-то сделать, хорошенько подумай». И я всегда старался следовать этому правилу. А мама чуть что говорила: «Вот я отцу расскажу...» Но подвести, огорчить родителей, которые в тебя верят, было страшней наказания.

— **Значит, умение отвечать за свои слова — это у вас с детства. А что, на ваш взгляд, вырабатывает в человеке готовность к испытаниям?**

— Думаю, в первую очередь, готовность к будущим трудностям как раз и закрепляется в воспитании семьей и школой. Это не громкие слова. А еще — в поддержке родными и близкими. Именно в поддержке, а не в распускании соплей. Как только родные начинают кудахтать: как же так, да не должно быть такого с нашим деточкой... — вот тут и приходит настоящая беда. Несчастья, как подтверждает жизненный опыт, случаются со всеми. Просто не надо ныть: за что мне это? Важно четко понять, для чего тебе испытание послано.

О ТОМ, КАК ПРИХОДИТ ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

К морю Александра тянуло с детства. Оно и понятно: рос в Советской Гавани, на берегу океана, зачитывался Майн Ридом и Джеком Лондоном. Особенно нравились «Рассказы южных морей» и романы «Морской волк», «Сердца трех» — истории о людях, сильных духом.

— **Можете вспомнить случай из школьных лет, когда пришлось сцепить зубы и преодолеть себя?**

— Их много было. Но один помню хорошо. Я занимался бегом на лыжах. Были у нас городские соревнования. Часть лыжни проложили по новому маршруту, где лес был вырублен очень плохо, небрежно. Этот участок находился в самом начале дистанции. Когда я бежал, зацепился за сучок, оставил на нем кольцо от лыжной палки, и она стала проваливаться в глубокий снег. А впереди — финишная прямая, перед которой тяжелый километровый подъем. Бежал я до этого подъема на пределе сил. Думал: все, сейчас умру. И все-таки двигался через «не могу». А потом вдруг какой-то щелчок: включилось второе дыхание! Стало так легко, словно крылья выросли! В этой гонке я занял первое место, а ведь хотел поначалу хотя бы просто дойти до финиша.

— **Сколько лет вам было тогда?**

— Четырнадцать.

О МОРСКОМ БРАТСТВЕ И УМЕНИИ ВЛАДСТВОВАТЬ СОБОЙ

2-я рота судоводителей, где Александр проучился пять с половиной лет, ежегодно встречается 21 марта.

В 2021 году исполнилось пятьдесят лет, как рота была сформирована.

К слову, одна из лучших в истории судоводительского факультета Морского университета: 53 выпускника — капитаны дальнего плавания, немало и руководителей крупных береговых предприятий. Как удалось создать столь крепкое морское братство? Когда читаешь их воспоминания в альбоме, выпущенном к юби-

Капитан А.Н. Яцкевич — в центре справа

лею, то невольно улыбаешься: обычные мальчишки, в меру целеустремленные, в меру хулиганистые...

— Не совсем обычные, — возражает Яцкевич. — Не случайно начальник организационно-строевого отдела Константин Игнатьевич Пивоваров обратил внимание на нашу роту. Он, Костя, сам был необычный человек. Несмотря на внешнюю строгость, к курсантам относился с непоказной заботой и любовью. Это чувствовалось. Действительно, был строг, но справедлив. И мы его за это безгранично уважали. Никаких прозвищ, просто Костя. Он всегда был с иголочки одет, выбрит, наглажен... На первом курсе звал нас «дикой дивизией». На площадке перед бассейном, рядом с домом, где жил, заставил как-то после лекций до изнеможения заниматься строевой подготовкой. Под песню «Дан приказ ему на запад...». Целый час мы во всю глотку орали эту песню. Весь Эгершельд, наверное, слышал. Пивоваров, наконец, вышел на улицу и сказал: все, отбой. Он не давал нам спуску, но в то же время берег...

— **Была, на ваш взгляд, черта, которая роднила лучших наставников?**

— Была. И не одна. Я назвал бы, прежде всего, доброжелательность, требовательность и мудрость. Все они были очень мудрые люди.

— **А ваш командир Виктор Красавин?**

— Ну, у Красавина был другой опыт. Он только пришел в училище с военного флота, и Пивоваров ему помогал войти в курс дела. К чести Виктора Георгиевича, он сумел создать из нас настоящий коллектив. Скажем так: он рос вместе с нами.

Наверное, все хорошие командиры растут вместе с личным составом. И все же пример такого единства выпускников — большая редкость. Всякое было в жизни ребят из второй роты. В конце первого курса у Ленинского стипендиата Саши Невежкина кто-то украл стипендию: 100 рублей. Сумма немаленькая по тем временам: обычный курсант получал на руки 10 рублей. Вора нашли довольно быстро и... посадили его в тумбочку. Вторая рота располагалась на шестом этаже общежития. Именно с этого этажа и решили отправить в полет тумбу с воров. Хорошо, старшина остановил. В итоге провели общее собрание роты. Решение его, практи-

чески единогласное, довели до командования училища. И курсанта, позарившегося на стипендию, отчислили. Это единственный случай в 130-летней истории нашего морского вуза, когда отчисление состоялось по инициативе роты.

На выпускном банкете им запомнились слова командира, который сказал: «Сколько бы лет ни прошло, при встрече с однокашником найди способ помочь ему. Не всегда есть возможность поддержать человека материально, но слова найти необходимо». Тогда и решили встречаться каждый год 21 марта. Душой этих встреч или, как он шутит, «назначенным второй ротой лицом», многие годы остается Александр Яцкевич.

— **Командир в своих воспоминаниях особо отметил, что характер у вас был непростой. Вы никогда не стояли в стороне от восстановления справедливости и наведения «конституционного порядка». В том числе и в общегородском масштабе, когда курсанты ДВВИМУ массово заступились за своих ребят, избитых на главной танцплощадке Владивостока. Эта битва вошла в историю города и могла бы заступникам дорого обойтись, если бы не опыт и тонкая дипломатия Пивоварова и начальника ДВВИМУ. Но ведь не все вопросы решаются силой...**

— Есть люди, к сожалению, которые понимают только силу.

— **Не спорю, но капитану-то приходится действовать дипломатическими средствами...**

— Капитану, чтобы вы знали, приходится действовать любыми средствами. В том числе и связывать, и в милицию сдавать... Но в основном, конечно, выбирается путь дипломатии.

— **Опять же, по словам командира, вы за словом в карман не лезли. Умение «властвовать собой» пришло с годами?**

— Да, пришло. Но дипломатия дипломатией, а порой необходимо говорить то, что думаешь.

— **Даже в глаза начальству?**

— Даже.

О ТОМ, КАК ВЫИГРАТЬ ПАРУСНУЮ ГОНКУ ПОСЛЕ ОВЕРКИЛЯ

На третьем курсе Александр со своими однокурсниками проходил групповую практику на учебном судне «Профессор Ющенко». Особенно запомнилась парусно-гребная регата с новозеландскими скаутами в Блаффе. Соревновались на ялах, больших шестивесельных шлюпках. Они отличались от русских, особенно парусным вооружением. У новозеландцев на яле ставились яхтенные паруса. Поэтому старшиной одного из ялов назначили Александра: учли его опыт плавания на крейсерской яхте, подкрепленный удостоверением яхтенного рулевого.

Получив инструктаж, курсанты быстро изучили все буи и отметки. Поставили парус и пошли к месту старта. Александр сидел у руля. Мачта на яле расположена у первой банки — так по-морскому называется сиденье для гребцов. И там же расположен шверт — выдвигной плавник, который повышает остойчивость яхты. Это была засада: русская команда вся состояла из опытных многоборцев, но о шверте они ничего не знали.

За парусом, который вибрировал под свежим ветром, Александру шверта было не видать. Для верности уточнил у ребят: «Шверт выкинули?» Команда ответила утвердительно. Ял шел довольно бойко, скаутов обогнали без напряжения. Оставили за кормой почти половину дистанции, и тут случился конфуз. Да какой! При повороте оверштаг — против ветра — ял просто-напросто сделал оверкиль: перевернулся! Курсанты, одетые в парадную форму, плавали вокруг и от души чертыха-

лись. На моторном катере подскочили новозеландцы и предложили «кончик», то есть взять на буксир.

— **Согласились?**

— Да что вы! Это позор! Гордо отказались. Перевернули ял на ровный киль. В процессе купания команда поняла, что такое шверт и зачем он нужен. Надо было срочно отчерпать воду, но все черпаки утонули...

— **Руками черпали?**

— Зачем? Ботинками. Сняли флотские ботинки (а какие они были хорошие, с крючками, поэтому и сняли их за секунды!) и со зверской скоростью стали вычерпывать воду, одновременно наращивая скорость под мокрыми парусами. И обратно до финиша шли полным ветром. Да как шли! К финишу пришли первыми! Мокрые, усталые, но — первые.

— **Этот случай — тоже пример второго дыхания?**

— Нет, тут другое. Это уже опыт. Тот, который дали нам походы с Евгением Жуковым, нашим наставником в парусном спорте. Он поразил меня тем, что никогда не выходил из себя и не читал нотаций. Все строилось на личном примере. В одном из первых походов мы очень сильно укачались. Зеленые были и синие. Евгений Иванович дал нам старый парус и велел его штопать... Мы вздохнули глубоко и взялись за работу. И, не поверите, сами не заметили, как стало легче. Сейчас я точно знаю, что лучшее лекарство от морской болезни — это работа. Чем она кропотливее, тем лучше. Ведь укачиваются практически все, только по-разному реагируют. Я, например, тренируюсь до сих пор, чтобы преодолеть морскую болезнь: верчу головой по специальной методике.

О ТОМ, КАК ВЫЖИТЬ В МОРОЗИЛЬНОЙ КАМЕРЕ

Весной 1975 года, после четвертого курса, у Александра началась индивидуальная плавательная практика. Он, как и все курсанты, стремился досрочно сдать весеннюю сессию, чтобы уйти на практику пораньше. В начале мая был уже в составе экипажа теплохода «Березиналес» в должности матроса 1-го класса. Командовал судном знаменитый дальневосточный капитан Виктор Сахаров.

В конце мая он назначил Яцкевича артельщиком. Конечно, тот пытался отвертеться, но капитан сказал, как отрезал: «Учись, студент. Будешь старпомом, пригодится».

Дела артельщика Александр принял в Ниигате. Стояли на рейде, шла зыбь и судно качало. После ужина пошел в артелку осмотреться и поднять в камбуз продукты на завтра. Заходя в морозилку, плохо поставил дверь на штормовку. Пароход качнуло и... дверь захлопнулась. Температура в камере — минус 18 градусов, а из одежды — только шорты и футболка. Минут пятнадцать он безуспешно пытался открыть дверь. Мороз крепчал... Чтобы не замерзнуть насмерть, решил порубить мясо, которое было в камере. Благо, была в морозилке колода с топором. Но рубить оказалось непросто: подволок в камере низкий, особо не размахнешься. В конце концов, он приспособился и порубил всю свинину, затем баранину и две полутуши говядины. А холод лютый... Что дальше? Высыпал молочную колбасу из бумажного мешка и всю ее порубил на пятаки. Мешок надел на себя, чтобы было теплее. Не помогло... Решил перерубить уже порубленное мясо на более мелкие куски. Прошло часа два. Замерз до изнеможения. Решил рубить саму колоду, так как к этому времени порубил даже сырокопченую колбасу из представительских запасов капитана.

На его счастье, Коля Кузнецов, сосед по каюте и тоже бывший артельщик, забеспокоился, что Яцкевича долго нет. Подошел к артелке — дверь нараспашку. Спустился вниз: никого. Но опытный Коля догадался заглянуть в морозильную камеру. Он-то и освободил Александра, когда тот сделал первый удар по колоде...

— Тогда, в морозильной камере, вы приняли решение, вспомнив какой-то похожий случай? Или это сработал инстинкт самосохранения?

— Конечно, инстинкт. Разогреться надо было любым способом, иначе долго не протянешь: мороз нешуточный. А я в шортах.

— Верили в то, что вас спасут?

— Старался не поддаваться панике. Рядом-то никого... Кстати, в том же 1975 году в коллективном договоре Дальневосточного морского пароходства появился пункт: «Установить на судах сигнализацию “Человек в камере”». Видно, не только я оказался в подобной ситуации... А повар, наша незабвенная Эмма Амбарцумовна, два месяца потом ломала голову, что приготовить из мяса, которое я перерубил так нещадно и непрофессионально.

— Да... невольно вспоминается ваш любимый Джек Лондон: «У меня есть я. Вдвоем мы как-нибудь справимся».

О ТОМ, КАК ВСТАТЬ НА ПРОТЕЗЫ И ВЕРНУТЬСЯ НА ФЛОТ

«Ни за кого из выпускников второй роты не стыдно, все молодцы. Многими можно гордиться. Но все-таки Саша Яцкевич — это легенда».

Так написал в своих воспоминаниях командир роты. Ему слово:

«В 1978 году Саша, будучи вторым помощником на теплоходе “Дальнегорск”, неудачно шагнул на прогнившую вентиляционную решетку. Она провалилась, а под ней работал мощный судовый вентилятор... Сколько я ни пытался потом представить эту ситуацию, сердце сжималось от ужаса. Остаться в 24 года без ног... Какую же боль ему пришлось вытерпеть!»

На самолете его доставили во Владивосток. В аэропорту встретили одноклассники, отвезли в больницу. Знаю, что все наши выпускники Сашу поддерживали, навещали постоянно. К моему стыду, я в больнице у него ни разу не был, хотя о происшествии мне сообщили. Чувствовал непонятную вину от того, что закончилась морская жизнь хорошего моряка.

Встретились мы с ним примерно спустя год после того трагического происшествия. Хирурги поработали хорошо. Раны затянулись. Были подобраны протезы. Саша уже ходил с клюшкой... Я позвал его к себе домой. Жена моя встретила его очень тепло и всю жизнь потом восторгалась: “Какой хороший парень!” Мы тогда посидели за столом, выпили, конечно, поговорили. Саша подарил мне маску негритоса, вырезанную им во время лечения в больницах — самый драгоценный подарок в моем нынешнем кабинете.

Прошло еще полгода. Меня вызвал заместитель начальника училища. Объяснил, что Сашу рекомендуют на учебно-производственное судно “Профессор Ющенко” учебным помощником. Я спросил, знает ли командование училища о случившемся? Оказалось — знает. Тогда я ответил: “Если это вас не смущает, можете брать его с закрытыми глазами. Не подведет!” Заместитель улыбнулся: “Если вы его так характеризуете, возьмем”.

На инвалидность Саша отказался уходить наотрез, заявил, что он штурман и штурманом хочет работать. Тогда и нашли выход: назначить учебным помощником. Ходил он еще с клюшкой. Но два года спустя уже работал на учебном судне вторым помощником и избавился от клюшки, что казалось невероятным. Потом стал старпомом. А в 1987 году добился снятия ограничения учебными судами и был назначен старпомом на теплоход “Отомар Ошкалн”. А затем стал капитаном! Всего несколько строк в трудовой книжке от учебного помощника до капитана, но сколько за ними упорства, мужества и воли!!!»

— **Александр Николаевич, хотите что-то добавить?**

— Для меня печально знаменитая речка Колыма стала второй родиной, я там заново родился. Стояли мы у причала. Меня местные угостили чиром и ряпушкой — как раз был сезон нереста. Рыбы дали много, я понес ее развешивать и не заметил, как наступил на вентиляционную решетку. Она была прогнившая, держалась на честном слове, но со стороны это было незаметно. Вот и провалился в вентиляционную шахту...

— **Кто вам помог выбраться?**

— Сам. Если бы потерял сознание, прошел бы через эту мясорубку весь. Кричать было бесполезно. После того как вентилятор перемолол часть моих костей, а я прислонился на уголок шахты, он вновь заработал и ревел так, что ничего не было слышно. Помню, увидел сквозь кровавые лохмотья собственные нервы на ногах: они были белого-белого цвета... Потом в больнице узнал, что это нервы седалищные... А тогда все-таки выбрался из шахты, открыл дверь и стал звать на помощь. Мог скончаться на месте сразу по двум причинам: от потери крови и болевого шока... Но обошлось. Оперировали меня в районной больнице поселка Черский. Врач-якут, Николай Петрович Третьяков, дал перед операцией стакан спирта. Сказал, что наркоз лучше давать в состоянии алкогольного опьянения, чем болевого шока. Алкоголь этот шок смягчает. Ну вот... Провел он мне, выражаясь медицинским языком, ампутацию обеих голени средней трети. В конце октября прилетел я во Владивосток. Весь в шрамах, но живой.

— **Вам было двадцать четыре года, когда началась главная «битва за себя». В таких испытаниях нужна огромная духовная концентрация, жизненный опыт, а вы еще очень молоды. Кто был рядом с Вами?**

— В первую очередь, родители. Все-таки это случилось на Колыме, и добираться туда было нелегко. Да и капитан сразу дал радиogramму отцу на работу. Отец мне, когда обнялись, вручил «Повесть о настоящем человеке». Я, конечно, читал ее раньше, но теперь воспринял совсем по-другому. Жена Таня тоже была рядом. Теща моя золотая, тещь. Однокашники... Да и вовсе незнакомые люди из поселка Черского. Работники порта, медики. Северяне — необыкновенные люди, и я им безмерно благодарен. Все это сложно передать словами, но до сих пор удивляюсь искреннему участию и помощи многих людей, в том числе незнакомых мне до этого случая.

— **Есть выражение: «Боль — это просто часть жизни». Оно означает, что к боли можно притерпеться? Или это что-то другое?**

— Не знаю, как ответить на этот вопрос. Да и боль бывает разная. На мой взгляд, физическую боль преодолеть легче. Хотя не факт. Когда мне сделали учебные протезы, я пять минут постоял на них и ужаснулся: как же ходить-то буду, если стоять неумогу?! И еще помню: встал с коляски, и показалось, что стою так высоко, что даже голова закружилась.

— **Отвык от собственного роста?**

— Получается так...

— **Мечта вернуться на флот. Когда она появилась?**

— Вот это была минута незабываемая. В первые же дни после возвращения во Владивосток приехал ко мне в больницу Виктор Константинович Тихоступов, известный капитан, заместитель начальника ДВМП по кадрам. И говорит:

— А давай-ка на флот вернемся?

Я сидел в инвалидной коляске и не представлял, как ходить-то буду — где тут думать о возвращении?! Но он меня не оставлял. Подбадривал, следил за моей судьбой и, скажем так, — негласно курировал. Почему — не знаю. Но я ему очень благодарен.

— А цена этой мечты? Ведь вы мечтали не только вернуться в море. Еще важнее было вернуться в мир обычных людей, стать таким, как до аварии. Были минуты, когда цена казалась Вам неподъемной, и подступало отчаяние?

— Конечно. Я уже говорил, как впервые надел учебные протезы — этот металл, обвязанный гипсовыми бинтами. Постоял на них минут пять-десять между брусом и весь был мокрый. Было очень больно и страшно: за несколько минут так укатался... Пожалуй, это была наиболее яркая вспышка отчаяния.

Не с этой ли вспышки началось его *самостояние* — преобразование жертвы трагедии в творца собственной судьбы, будущего капитана?

В этом же 1978 году ученый мирового уровня, философ-социолог Эрих Фромм напишет в своей последней книге: «Главная жизненная задача человека — дать жизнь самому себе, стать тем, кем он является потенциально».

О ДОНОРСКИХ КОСТЯХ И ФАНТОМНЫХ БОЛЯХ

После Владивостока была поездка в Киев на очередную операцию. Там Александр познакомился с профессором Олегом Александровичем Бухтиаровым. Профессор воевал, на фронте потерял ногу и тоже ходил с протезом. Он сказал, что у хирурга, который оперировал молодого моряка на Колыме, были золотые руки. Операцию в районной больнице сделали первоклассно, и единственное, что он, профессор, рекомендует, — сделать еще одну, чтобы укрепить берцовые кости.

Киевская клиника заболевания суставов была одной из самых знаменитых в Советском Союзе. Первых пациентов приняла в 1944 году. Здесь ведущие ортопеды-травматологи страны в буквальном смысле ставили на ноги инвалидов Великой Отечественной войны и людей с различными болезнями и травмами опорно-двигательного аппарата. Успешно внедряли новые разработки, применяли новейшие конструкции протезов, создали всесоюзный костный банк...

— **Это были настоящие человеческие кости?** — уточняю на всякий случай.

— Конечно. Они хранились в жидком азоте. Тогда, в 1979-м, Бухтиаров предложил мне просверлить кости на обеих ногах и вставить донорскую кость. Пояснил, что кость — это наименее активная часть человеческого организма. Лет за пять-десять он к ней полностью адаптируется. Зато уйдут боли и закрепятся собственные кости, что в дальнейшем избавит от многих осложнений. При этом профессор честно признался, что последние три операции в клинике были неудачными... Ну, согласие я все-таки дал. Осенью он сделал мне операцию, а в феврале 1980-го я пошел учебным помощником на УПС «Профессор Ющенко». В течение полугода расстался с тростью.

— **Слушаешь вас, Александр Николаевич, как все быстро и просто! Двух лет не прошло, а вы — уже на пароходе! Но ведь море — это качка, крен, вибрация, обледенелая палуба, наконец. Как вы с этим справлялись?**

— Нормально. Приноровился... Тут главное — не ныть. Знаете, у меня после операции были дикие фантомные боли. Они и сегодня есть. Вот палец на ноге вдруг начинает болеть... Его нет давно — уже десятки лет! — а он болит. И сделать ничего нельзя. Болит, ноет, чешется — а ничем не помочь, потому что нет того, что болит! До сих пор я делаю специальные упражнения, чтобы не атрофировались мышцы, представляю, как я пальцами шевелю. Зависть, даже белая, очень плохое чувство. Но иногда так прижмет... К примеру, все могут босиком по росе ходить, а я — нет.

О ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, РИСКЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Еще в районную больницу Александру прислали коляску, на которой он рассекал по Черскому, Сеймчану, Магадану и Владивостоку. Помощь, по его словам, шла со всех сторон и была искренней, от души. Чем продиктован был визит заместителя начальника пароходства по кадрам и его предложение вернуться на флот? Что двигало медицинским светилом профессором Бухтиаровым, когда он взялся лично прооперировать моряка? А чем руководствовался начальник Дальневосточного морского пароходства Юрий Островский, когда выделил молодой семье однокомнатную квартиру вне очереди?

Но главное даже не в этом: уже тогда, в 1979 году, существовал приказ Минздрава СССР о запрещении работы в плавсоставе при отсутствии даже одной конечности, не говоря о двух...

— **Командир назвал вас легендой. А нынешние журналисты окрестили бы «советским пиар-проектом»...**

— Так я и сам себя называю «продуктом советской эпохи».

— **Вот как! И что вкладываете в эти слова: особое воспитание? Другой менталитет? Иные жизненные ценности?**

— Все вместе. Со мною рядом с самого детства были спокойные и сильные люди, которые умели принимать решения и не боялись брать на себя ответственность. Сейчас таких людей становится все меньше и меньше. А тогда... люди поверили в меня. Понимаете? И выдали мне разрешительное заключение медкомиссии. Правда, поначалу с ограничениями. А если бы я подвел их?! Даже один человек мог бы просто упереться в букву закона, и я эту стену никогда бы не пробил. Сегодня я очень хорошо понимаю, какую меру ответственности они на себя взяли. Поэтому назову врачей поименно: Лепихова Жанна Оскаровна, Мостовая Елена Николаевна, Веселкина Татьяна Яковлевна.

— **А ваши коллеги-моряки? Они тоже шли на риск?**

— Еще какой! Любой из капитанов, с которыми я работал, запросто мог отказаться взять к себе на судно помощника без ног. Но они брали на себя эту ответственность! Все капитаны, с которыми свела меня судьба, были людьми высшей пробы, на которых я равнялся. Например, Энн Аугустович Нейдре — эстонец, капитан теплохода «Отомар Ошкалн». Он как-то сказал мне: «Организуй свою работу с подчиненными так, чтобы проявлялись их положительные качества. И будет тебе счастье». Я это запомнил и никогда не чурался обратиться за помощью к опытному матросу, плотнику или боцману. Даже будучи капитаном. А взять кадровиков нашего пароходства! Они ведь тоже могли встать в позу, но не сделали этого. И я работал. И это продолжалось годами.

— **Чем вы объясняете такую мощную поддержку на всех уровнях?**

— Чем?.. Наверное, это была другая страна, другие жизненные ценности, чем сейчас. И другое время. Сейчас мне, в лучшем случае, выплатили бы страховку за несчастный случай и забыли бы напрочь. Не говоря уже о том, что тогда еще не было требований Международной конвенции по дипломированию моряков и несению вахты. Конечно, я по этой конвенции не прошел бы. Так что капитаном я мог стать только в Советском Союзе.

А мне вспоминаются слова, сказанные о Николае Островском одним из его друзей: «Ему хотелось помогать». Наверное, они многое объясняют.

О ТОМ, ЧТО ЗА СПИНОЙ КАПИТАНА — НИКОГО НЕТ

Да, страна была другой. Но люди меняются медленно даже в стране Советов, которая поражала темпами своих преобразований. А таких, как Яцкевич, во все времена было мало. Даже в войну. Не оттого ли, что в этих невероятных судьбах заключена главная загадка и смысл существования человечества?

Главный момент в любой судьбе — это выбор. Свободный выбор, за которым следует тяжелая ответственность. В случае капитана Яцкевича труднее всего был даже не шторм и обледенелая палуба, а ответственность за десятки людей, за груз и судно. И сознание, что за его назначение несут персональную ответственность все — от врача до начальника парходства. Не оттого ли все знакомые мне моряки, услышав эту историю, округляли глаза и твердили одно и то же: не может быть?!

Конечно, наставники у Александра были именитые: капитаны Зиновьев, Сахаров, Тихоступов, Абоносимов. Все — Герои Социалистического Труда, каждый — легенда в морской среде. Учила его и Анна Щетинина, первая в мире женщина-капитан. Наверное, ее чувства, когда она приняла свое первое судно, и чувства ученика, когда он стал капитаном, в чем-то совпадали. Очень трудно быть первым...

В старпомах он проходил девять лет. Из них лет пять — в «выдвиженцах». Неоднократно сдавал экзамены «на капитана»: по правилам, если старпом, прошедший аттестацию, в течение года не становится капитаном, то снова сдает экзамены на рабочий диплом. Он приходил на пересдачу, а его спрашивали: «Что ты все ходишь? Ты же знаешь больше нас!» Приходилось делать невозможное лицо и отвечать: «Положено». Капитаном Яцкевичу помог стать Павел Павлович Кулаков, капитан-наставник Дальневосточного парходства. При погрузке в бухте Ольга на судне, где работал Александр, возник пожар в прачечной. Его быстро потушили, но ЧП без последствий не осталось: на следующий день Кулаков прибыл на борт с проверкой. А когда проверка показала, что все в порядке, у капитана-наставника возник вопрос: почему Яцкевич так долго ходит в выдвиженцах? Старпом привычно отшутился, мол, фамилия на букву «я» стоит последней в списке. Но шутка вышла горькой... Кулаков не поленился зайти в отдел кадров ДВМП, просмотреть все документы и выяснить порядок очередности. Именно он настоял, чтобы впредь списки составляли по стажу пребывания старпомов в выдвиженцах. И Яцкевич сразу стал первым.

В 1994 году он пошел дублером капитана на рефрижераторе «Александра Коллонтай». Когда капитан ушел в отпуск, остался за него.

— Как в 1994-м?! Но ведь Советского Союза уже не было!

— Да, формально страны не было. Но люди-то советские остались. И я был одним из них...

— Помните свои чувства, когда поднялись на борт в должности капитана?

— Честно? Не помню. Разве только чувство ответственности. Очень тяжелой ответственности.

— Но вы уже долгие годы работали старпомом. А это тоже ответственность...

— Конечно. Но когда ты старпом, то знаешь, что за твоей спиной — «дядя». Капитан, который поправит тебя, примет правильное решение. А за спиной капитана нет никого. Раньше я этого не понимал. Когда был, скажем, 3-м, 2-м, старшим помощником, то часто в душе спорил с капитаном: я бы сделал по-другому и лучше. И только когда сам стал капитаном, часто мысленно повторял: какой же я был дурак!.. Знаю людей, которые так навсегда и остались старпомами. Либо пошли капитанами, но вернулись на старпомовскую должность.

— Сегодня вы могли бы ответить, зачем вам лично нужно было пройти этот путь?

— Сложный вопрос. Не знаю... Хотелось вернуться. К морю, к себе... Когда это удалось, был счастлив.

О ТОМ, ЧТО СЧАСТЬЕ ЛЮБИТ ТИШИНУ

В 1984 году во Владивостокской краевой филармонии снимали популярную телепередачу «От всей души». Ведущая Валентина Леонтьева рассказала всему Советскому Союзу о судьбе Александра Яцкевича, который работал тогда вторым помощником на учебном судне «Профессор Ющенко». Александр привстал и смущенно раскланялся с бельэтажа. А на сцену пригласили Татьяну...

— Ну и правильно, — кивает капитан. — В том, что я вернулся на море, — ее заслуга огромная.

— **В горе и радости — всегда рядом?**

— Да. Всегда. Уже 45 лет...

— **А познакомились где?**

— Да где все мы знакомились? В училище на вечере.

— **Любовь с первого взгляда?**

— Наверное. Увидел ее и понял: мой человек... Вы понимаете, я не могу о том, что мы пережили, рассказывать. И не хочу. Это — только наше. И Таня со мной согласна.

— **Как в песне: «Счастье любит тишину»?**

— Да.

— **Тогда скажите: какие три главных качества отличают вашу любимую женщину?**

— Вот вы опять вопросы задаете...

— **И все же?**

— Надежность. Тепло. Понимание без слов. И много еще другого, чего словами не выразить...

О ПАРАДОКСАХ СВОБОДЫ

Капитаны всегда были элитой морской профессии. И мнения среди элиты были разными. Не так давно я получила рукопись от капитана, который всю жизнь прожил в Советском Союзе, в России. Ушел с капитанского мостика, когда ему было уже за семьдесят. Материально обеспечен, семьей окружен, пишет книги о том, что пришлось повидать на море и суше. Последний двухтомник повестей и рассказов назвал выразительно: «Большая Зона». И объяснил, почему: «Это сборник невыдуманных рассказов о временах и о людях, проживавших на территории “Большой Зоны”, где они вынуждены были жить в двух ипостасях: “быть” и “казаться, изображать”... Система строго карала “еретиков”, выдавливая их на обочину жизни из стройных рядов бесхребетных “строителей светлого будущего”... Одни уходили в запой, другие — в психушки, в суицид и на зоны... И лишь единицы храбрых и достойных, рискуя жизнью, шагнули за борт, в океан: “Свобода или Смерть!” Эта книга посвящается перешагнувшим “запретку” и СТРАХ на пути к СВОБОДЕ!..»

— **Что скажете, Александр Николаевич?**

— А о чем говорить? Я всегда был самим собой. Мои родители и друзья — тоже. Никогда не назвал бы их бесхребетными... Вырос в Советской Гавани, порт Ванино был неподалеку. Так что зеков видел часто: они строили здание рядом с домом моего деда. Среди них было немало «четвертаков» — осужденных на 25 лет по

различным статьям. Говорю по «различным», потому что были не только политические — их как раз было меньше, — но и бандеровцы, и «лесные братья». Когда их освободили массово в 1955 году, это вызвало шок: даже здесь, на далекой восточной окраине были наслышаны о «подвигах» этих нелюдей. Много лет спустя, в 1979 году, я увидел на Украине многие вещи, которые меня поразили, если не сказать — ужаснули. То, что расцвело махровым цветом на майдане в 2014-м... Так что все эти призывы «платить и каяться» у меня сейчас ничего, кроме иронии, не вызывают.

— **Мой отец — убежденный коммунист. И таких, как он, я знаю немало. Эти дети войны и фронтовики, действительно, были готовы платить за свои идеалы не только личным благополучием, но и жизнью. Убежденных либералов не знаю ни одного...**

— Я тоже. Впрочем, на флоте либерализм невозможен в принципе. Хотя в одном из рейсов пришлось столкнуться... Это был 1994 год, мы шли в США на банановозе «Александра Коллонтай». Погода на переходе в Америку всегда сложная, а груз предстояло взять скоропортящийся: курины окорочка, виноград, сливы, груши... Требовалась тщательная подготовка трюмов: их зачистка и мойка. Обычная рутинная работа, которую я приказал сделать, несмотря на свежую погоду. И в результате получил... общее собрание, на котором активисты призывали объявить забастовку. Я их выслушал и сказал: жалобы можете писать на меня в вышестоящие инстанции, когда вернемся в Россию. А пока — исполнять мои приказы быстро, беспрекословно и в срок.

— **Подчинились?**

— А как иначе? Все моряки знакомы с Уставом службы на морских судах. В море приказы капитана не обсуждаются...

— **«Все корабельные уставы написаны кровью жертв морских катастроф». Это любой моряк знает... А с эмигрантами довелось встречаться?**

— Конечно. И не однажды. Памятная встреча была у меня опять же в США в порту Бэллингхэм, что недалеко от Канады. Познакомили с одним благообразным и весьма пожилым джентльменом, Элом Бордевилем, который по-русски говорил, как по книге читал: красиво и правильно. Оказалось, что корни у него — французские. Предки принимали участие в войне с Россией еще в 1812 году. После войны они осели в Риге, а много лет спустя, когда Латвия вошла в состав СССР, их потомки автоматически стали советскими. В годы Великой Отечественной Бордевиль сражался, по его словам, сначала за красных, а потом, с 1942 года до января 1945-го, — за гитлеровцев. Потом опять перешел в наши ряды, и уже после окончания войны им заинтересовался СМЕРШ. В итоге он сбежал в американскую зону оккупации и оказался в Штатах. Знаете, что меня поразило? Когда этот потомок наполеоновских драгун поднялся к нам на борт, было заметно, с каким презрением он смотрит на эмигрантов последней волны, которых довольно много вертелось на палубе. Я пригласил его в каюту на чай. И в разговоре он обронил фразу, которая мне запомнилась: «Вы, как пылесос, сосете с Запада всю грязь и гадость. Это недостойно страны Пушкина и Толстого. Знайте себе цену, не опускайтесь до уровня... этих», — он кивнул на эмигрантов, которые бесцеремонно заглядывали в дверь.

— **«Не опускайтесь»... А нас все поднять пытаются тридцать лет.**

— Ну да. Мы почти «доросли» до уровня Киркорова, Бузовой и Собчак...

— **Скажите, а у вас никогда не было мысли сменить страну?**

— Нет. Никогда в своей жизни не думал об эмиграции. Отношусь к этому, как к своего рода предательству. Хотя в числе моих друзей и знакомых есть люди, покинувшие Россию. Меня никогда не восхищали Вишневецкие, Ростроповичи, Бродские и прочие. Были, конечно, среди эмигрантов достойные люди. Напри-

мер, Александр Зиновьев, философ. Но большинство... Следуя их логике, если мама заболела, ее надо бросить и забыть о ней. Да, мест в мире очень много красивейших. Но у меня всегда было чувство, что это не мое, не родное. Как-то довелось смотреть передачи о Родионе Нахапетове и об Олеге Видове. Они демонстрировали свои красивые большие дома в Америке. Улыбались стандартной американской улыбкой. Но обоих выдавали глаза. Кроме глубокой тоски в них ничего не было.

— **Говорят, «за бугром» привыкли считать нас либо жертвами, либо рабами...**

— Положим, это не так. Они понимают, что мы разные. Другое дело, что раб остается рабом в любом государстве, в любой стране, самой свободной.

— **«Нет прочнее тюрьмы, чем в душе человека»?**

— Конечно. И знаете что? По-человечески мне жаль вашего капитана...

О КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ПОТРЕБИТЕЛЯХ И ЖЕРТВАХ СУДЬБЫ

Мы с Александром Яцкевичем — одного поколения. Общаемся, как говорится, «на одной волне». Но вопросы, на которые ищем ответ, от этого не становятся легче. Сначала у нас на глазах распалась страна, где родились и выросли. А затем и весь мир потерял привычные очертания, стал зыбким, с уходящей из-под ног почвой. Как выстоять в этом непрерывном, набирающем силу вселенском шторме?

Вот этот коренастый человек с морской походкой вразвалочку, с улыбочивым мальчишеским прищуром и седым ершиком упрямых волос, с резкими морщинами и невероятной харизмой — он, увы, герой не нашего времени. Кого интересуют истории о настоящих людях в толерантную и многовекторную эпоху?

Да, их всегда было мало. Но раньше на них равнялись, о них писали книги и снимали фильмы. Они приходили к молодежи и делились жизненным опытом. Кстати, на одной из встреч курсантов с Яцкевичем я была свидетелем, как они сидели навтыжку и смотрели на него во все глаза, засыпая вопросами, а потом выстроились в очередь, чтобы с ним сфотографироваться. Кто сказал, что нынешним мальчишкам не нужны примеры мужества и силы воли?

— **Как вы относитесь к людям, которые выбрали для себя позицию жертвы несчастного случая, социальной несправедливости или гендерного неравенства?**

— Да я никогда не думал об этом. Просто приучил себя к мысли, что очередное испытание надо преодолеть. А они... они сделали другой выбор.

— **Вы — из редкой породы людей, которые сами себя создали. На мой взгляд, это круче любой карьеры. Но сегодня СМИ старательно путают людей состоятельных и состоявшихся, внушая молодежи, что это одно и то же. И молодые хотят всего и сразу: денег, славы, карьеры... Но вот парадокс: если они этого и добиваются, то оказываются в тупике: а что дальше? А дальше — бег по кругу, пустота...**

— Слава — дело кажливое и преходящее. Вот наша так называемая элита хвастается своими достижениями: дворцами на Рублевке, домами в Нью-Йорке или Майами, тремя или девятью браками и так далее... Гордиться-то надо делами, а не толщиной пресса. Я вам скажу: гораздо труднее честно изо дня в день выполнять свои обязанности, семейные и должностные. Это требует, между прочим, огромной силы воли. Когда приходится принимать решение в одиночку, вопреки тому, что диктует окружение.

— **«Делай, что должно, и — будь, что будет»?**

— Именно так. А семейные ситуации бывают еще тяжелей производственных.

— Прокладка жизненного курса — самый сложный квест из всех известных. Какие ошибки, на ваш взгляд, самые частые и, порой, непоправимые?

— Источник всех наших бед, прежде всего, собственная гордыня, торопливость и горячность. Особенно в отношениях с людьми. Обидеть в гневе легко, а исправить трудно. А бывает — и невозможно. Жизнь приучила меня относиться к людям так, как я бы хотел, чтоб они относились ко мне. Это не просто слова. Я ведь тоже грешен. Всякое бывало... За некоторые мои поступки и слова до сих пор стыдно.

— Говорят, ошибка — не та, которую совершил, а та, которую не исправил. Но молодые люди часто совершают ошибки, которые исправить уже нельзя. Речь не только о тяге к наркотикам и легким деньгам. То и дело появляются новые «группы смерти» или фанаты селфи, готовые заплатить жизнью, чтобы взорвать инстаграм¹. Психиатры называют это мышление «тоннельным»: сознание человека изменяется настолько, что суживается до размеров беспроектной «трубы». Что, по-вашему, надо сделать, чтобы в конце этого тоннеля появился свет?

— Снова трудный вопрос... Очень сложно бороться с клиповым мышлением. С этой дикостью, когда куча недоумков бегают со смартфонами, стараясь запечатлеться на фоне какой-то трагедии. Главная, на мой взгляд, причина, по которой гибнут дети, — низкий уровень нравственности и острый дефицит родительского внимания, нормального человеческого тепла... Детям во все времена нужны папы и мамы, а не тряпки и гаджеты.

— О том, что потребительская психология убийственна в буквальном смысле слова, социологи предупреждали давно. Проходя болезненные уроки взросления, молодежь при первых настоящих трудностях впадает в депрессию и нередко включает программу самоуничтожения. Не зря Скандинавия, признанная потребителем раем, держит первое место в Европе по суицидам...

— Когда во главе всего деньги, ничего хорошего не будет. Мы лишили своих детей смысла жизни, стержня, характера, умения отвечать за поступки. Лишили счастья трудной и заслуженной победы. Был бы у ребят из «группы смерти» этот стержень — остались бы жить...

— Недавно услышала от ровесника удивительное признание: «Вспомни, нам в юности не нужно было взбадривать себя ни алкоголем, ни наркотой. Нам сама жизнь пьянила: такие горизонты открывались!» Что, на ваш взгляд, незворотно утрачено за тридцать лет?

— Мы утратили цели. Высокие цели. Человек, особенно молодой, не может жить только инстинктами и первичными потребностями, не поднимая головы к небу. Ему мечта нужна, размах и риск, друзья и любовь. И гордость за свою страну.

— **Гордость?**

— Обязательно! Наша история фантастически оболгана, особенно ее советские страницы. Да еще эти бесконечные ток-шоу, где столько грязного белья вытаскивается наружу... Искажаются глубинные понятия долга, стыда, любви и чести. Или еще одна вещь, которая бросается в глаза летом: очень много молодежи покрыто татуировками. Даже девушки, что особенно шокирует. Прямо вожди краснокожих: у кого больше красивых перьев на голове, тот и круче. Это что? Возвращение в каменный век, к дикарям Новой Гвинеи?.. Кто-то сказал: «Хочешь победить страну — воспитай ее детей».

— **Это Чингисхан: «Хочешь победить врага — воспитай его детей». Но помните, мы ведь тоже старались достать модные джинсы или пластинки...**

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской на территории Российской Федерации.

— Не спорю, мы тоже... У нас не производили жевательной резинки, джинсов и кока-колы. Но были космические корабли и современные суда, уникальные станки и тракторы, комбайны и самолеты. И мы, помните, этим гордились, у нас не было комплекса «страны третьего мира». Верно? А теперь мы собираем лего из иностранных автомобилей... Наши дети и внуки это видят. Отличает их от нас абсолютное незнание своей истории и открытый практицизм. Недавно на ассоциации Дальневосточных морских капитанов один из моих молодых коллег рассказал о встрече с курсантами. Меня поразило, что целый час он говорил с ними только о контрактах, о том, в какую компанию выгоднее устроиться, о зарплатах... Не скажу, что мы не думали о деньгах. Но все же романтика у нас была. Да и работа на флоте без романтики невозможна.

— **Писатель-капитан Конецкий записал в дневнике: «Если к кораблю не относиться как к существу живому, рано или поздно он отомстит вам со всей жестокостью восставшей машины»... Но, по словам моих сыновей, работающих под флагом на контейнерном флоте, сейчас в море идут только за деньгами. На дворе — эпоха денег и тотального офисного контроля. Работников «за идею» в море сегодня не найти.**

— Да знаю я об этом. И порой со страхом думаю: а нашел бы я сегодня с ними контакт, с нынешними молодыми?! И знаете, от чего еще страшно? От этой жуткой некомпетентности вокруг. Простой пример: гендиректор Роскосмоса — журналист... Возьмите любой пароход. Никто не может стать капитаном, не пройдя все ступени морской карьеры. А нынешним образованцам все можно. Откровенно говоря, у меня очень часто спина холодеет, когда задумываюсь об окружающей действительности. Поэтому хочу сказать главное, что я понял. Известно, что практика — это критерий истины. В течение последних тридцати лет мы все прошли очень хорошую капиталистическую практику. Теперь можно честно сказать: Советский Союз не был идеальным государством. В нем многое можно и нужно было менять. Но сохранить его было необходимо. Потому что все, о чем нам «врали» большевики, оказалось правдой...

Молчу. Потому что вспомнила слова моего отца, воспитавшего тысячи моряков: «Мы были счастливыми людьми: гордились страной и верили в будущее».

О СЧАСТЬЕ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Я хорошо помню тоненькую красную книжку «Моральный кодекс строителя коммунизма». У нас дома она лежала в книжном шкафу на видном месте, и я прочла ее еще в первом классе. Вторая часть каждой заповеди была понятней детскому сознанию и потому врезалась в память: «преданность и любовь к Родине... кто не работает, тот не ест... каждый за всех, все — за одного... человек человеку — друг, товарищ и брат... непримиримость к несправедливости, тунеядству, дурости, карьеризму...»

Да... было, над чем хохотать новым русским.

Сегодня мы живем в очень странное время: в революциях, поставленных на поток, совершенно отсутствует живой эволюционный момент, а технический прогресс идет в ногу с дремучим варварством. И это варварство требует от прогресса изобрести еще что-нибудь эдакое, чтобы счастья стало побольше, а цена на него — поменьше.

Как объяснить, что такое счастье, тем, кто привык покупать удовольствия?

— **Древние мудрецы говорили, что лучшие в мире вещи бесплатны: улыбки, друзья, здоровье, любовь, семья, добрые воспоминания... Кажется, спорить не о чем: все самое главное в жизни цены не имеет. Но... разве счастье достается нам бесплатно? Вот вы, Александр Николаевич, можете назвать себя счастливым человеком?**

- Да, — не раздумывая отвечает капитан.
- **А у вас есть своя формула счастья?**
- Нет, наверное. Надо просто ценить то, что у тебя есть.
- **Но ценят только то, что дорого досталось?**
- Конечно.
- **Значит, прав был Конфуций, который еще две с половиной тысячи лет назад сказал, что люди всю жизнь ищут счастье, не понимая, что его надо создавать...**
- Да, с этим я согласен полностью!

...А на дворе, между тем, — век инноваций и прорывных технологий. Представим на миг: изобрели вакцину для укрепления психологического иммунитета — от всякой душевной боли, неразделенной любви и поисков смысла жизни. Прививайтесь — и будет вам счастье! Интересно, как отреагирует народ: митингами протеста или давкой в очередях на вакцинирование?

А если серьезно... Понимаю, что эта история — не из репертуара нынешних блогеров. Скорее всего, прочтет ее немного людей. Потому что мучительный талант самостояния сегодня не в тренде. Да и когда их было много — идущих к вершинам? Спросите у альпиниста Рустама Набиева...

Или все-таки главное не в том, что таких людей мало, а в том, что они — есть? Те, кто не ноет, а сцепляет зубы и — поднимается в час беды над собой, обретая свет и смысл бытия. Те, кто, пройдя все круги ада, сознает простую вещь: Богу не нужны жертвы и слепое поклонение. Ему, который даровал нам тяжкий венец *свободного выбора*, нужно сотворчество с Человеком. А счастье рождается в этом нелегком соратничестве.

Человек счастлив, когда к нему приходит второе дыхание, и он понимает, что намного сильнее, чем думал. Когда встает в полный рост, побеждая лютую боль, страх смерти и комплекс неполноценности. Когда чувствует чистую, до слез, радость, сознавая себя *своим*: частью большой семьи, частью своей земли, ее народа и его истории. Когда «дает жизнь самому себе», выполнив то, что предназначено свыше.

Чувство счастья — это маячок, который лучше всяких слов подтверждает верную дорогу, правильный выбор и сознание не напрасно прожитой жизни.

А разве что-то есть дороже этого?